

УДК 81'1:008
ББК 81.006.3

ЯЗЫКОВАЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ В ДИАХРОНИИ: КОРПУСНЫЙ АСПЕКТ

Коннова Мария Николаевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения
Балтийского федерального университета им. И. Канта
maria.konnova@rambler.ru
ул. Александра Невского, 14, 236020 г. Калининград, Российская Федерация

Аннотация. В рамках комплексного когно-лингвокультурологического подхода, предполагающего целостное исследование взаимосвязи языка, сознания и культуры, анализируются когнитивные механизмы изменения значения евангельского изречения *Довлеет днєви злоба єго* (Мф. 6: 34). Семантические сдвиги микродиахронического плана, затрагивающие в XIX–XX вв. смысловую структуру евангельского изречения и приводящие к сущностной перестройке аксиологического и темпорального компонентов значения, анализируются на материале данных Национального корпуса русского языка. Устанавливается, что употребление библейского изречения вне исходного ценностного контекста приводит к полной трансформации его смысловой структуры. Десемантизация сопровождается утратой ключевых ценностных и временных характеристик, восходящих к евангельскому тексту.

Ключевые слова: корпус, когнитивные механизмы семантических сдвигов, языковая темпоральность, аксиология, Евангелие.

Корпусная лингвистика и исследование языкового времени

Современные лингвистические исследования в области лексики базируются на методах, предполагающих обработку значительных по объему массивов данных – электронных корпусов текстов, работа с которыми помогает «избежать субъективности и дает возможность автоматического поиска информации и сплошного анализа материала» [4, с. 118]. Корпус, по утверждению В. Тойберта, является сегодня «по умолчанию» основным источником языковых данных для любого лингвиста [10]. Результаты поиска по большим корпусам, содержащим несколько сотен миллионов словоупотреблений, оказываются более представительными и объективными, чем анкетирование испытуемых или интроспекция

[6, с. 1], поскольку корпус отражает все многообразие языковых явлений.

Использование корпусных данных открывает новые возможности для изучения особенностей семантической структуры слов как в синхроническом, так и в диахроническом, историческом плане. Компьютерно-корпусный подход весьма плодотворен для комплексного когно-лингвокультурологического изучения тех изменений, которые затрагивают аксиологический пласт значения лексем. Изменения, приводящие к трансформации ценностной отнесенности слова, как правило, отражают сдвиги более глубокого, ментального, мировоззренческого характера, затрагивающие сознание носителей языка.

Особенно отчетливо ценностные сдвиги проявляются при изучении бытийной, прежде всего темпоральной лексики. Буду-

чи сущностной характеристикой бытия и принадлежностью тех элементарных концептов, которые являются для человека врожденными и интуитивно ясными, время задает исходные координаты, на основе которых строится картина мира.

Концептосфера времени современного человека обладает большой прагматической значимостью, она социально нагружена и неоднородна. В нее входят представления научного и обыденного происхождения, имеющие физическую и духовную природу, ословленные и акциональные. В совокупности они образуют гештальт, который нельзя свести к сумме отдельных представлений. В нем синтезируется материальный (внешний) и идеальный (внутренний) опыт человека [7, с. 78]. Представления человека о времени порождают свою аксиологию, непосредственно связанную с особенностями национальной и индивидуальной картин мира.

Комплексное изучение аксиологии языкового времени, представляющее собой одну из актуальных задач современной когнитивной науки [там же], становится возможным только с привлечением широкого массива корпусных данных, в том числе и исторических, позволяющих создать системное описание темпоральной лексики в диахронии. Корпусный анализ дает возможность уяснить сущность тех когнитивных процессов, которые лежат в основе формирования и изменения семантики темпоральных категорий и позволяют судить о трансформациях мировоззренческого плана, затрагивающих аксиологическую картину мира носителей языка.

Целью настоящей статьи является анализ когнитивных механизмов изменения значения лексем временной семантики на примере евангельского изречения *Довлеет дневи злоба его* (Мф. 6: 34). В его смысловой структуре когнитивная (темпоральная) составляющая теснейшим образом сопряжена с ценностным, аксиологическим компонентом и индуцируемыми им эмоциональным и оценочным со-значениями. Семантические сдвиги микродиахронического плана, затрагивающие смысловую структуру евангельского изречения, анализируются на материале данных Национального корпуса русского языка (хронологический период – XIX–XX вв.).

Евангельский микротекст: корпусный аспект

Утверждение *Довлеет дневи злоба его* (Мф. 6: 34) является в словесной ткани Нагорной проповеди (V–VII главы Евангелия от Матфея) смысловым завершением предыдущих стихов: ц.-сл. *Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам. Не пецываете убо на утрей, утрений бо собою печется* (Мф. 6: 33–34). Существительное *злоба* выступает в нем аналогом многозначной греческой лексемы *κακια*, указывающей на различные проявления зла как отрицательной, противоестественной силы («зло; порок; состояние вражды, озлобленности; грех; несчастье») (СлРЯ, с. 16). Метонимически именуя тяготы и невзгоды жизни, способные «озлобить и сокрушить» [8, с. 187], слово *злоба* подчеркивает противо-природный, в «не-бытие» устремленный характер чрезмерного беспокойства о потребностях телесных, житейских. В едином микроконтексте с синкретичным наречием времени и порядка *прежде* и сказуемым семантики меры *довлеет* оно намечает ценностные ориентиры традиционной аксиологической шкалы, структурирующей категорию времени в русской языковой картине мира. Горизонтальный вектор повседневности оказывается подчинен вертикальному вектору, именем которого выступает лексема-символ *Царствие Небесное*.

Общее количество отмеченных в Корпусе употреблений рассматриваемых изречений в виде цельной цитаты невелико (около 50 фиксаций). Следует, однако, отметить устойчивый характер этих употреблений в диахронии – евангельское изречение встречается, с большей или меньшей регулярностью, на протяжении всего исследуемого периода. Первый пример его употребления зафиксирован в тексте религиозного дискурса, а именно Катехизисе митрополита Московского Филарета (Дроздова, † 1867):

(1) *Повелевается просить насущного хлеба только днесь, то есть на нынешний день, для того, чтобы мы не заботились о будущем чрезмерно, а надеялись в этом на Бога. Не пецываете убо на утрей, утрений бо собою печется: довлеет дневи злоба его. Весть бо Отец ваш Небесный, яко требуе-*

те сих всех (митрополит Филарет (Дроздов). Пространный христианский Катихизис Православной кафедральной восточной церкви. 1823–1824).

Анализируемое евангельское изречение помещено здесь в широкий контекст Священного Писания. Предваряя стих *Весть бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех* (Мф. 6: 32), оно раскрывает во всей полноте сущность христианской надежды, мысль о которой эксплицируется придаточным предложением цели (*чтобы мы не заботились о будущем чрезмерно, а надеялись в этом на Бога*).

В русскоязычных текстах XIX в. цельное церковнославянское изречение – с сохранением исходной формы дательного падежа *дневи* или с заменой на современную форму *дню* – встречается преимущественно в публицистике, в художественной прозе, диаристике:

(2) *Завтра – новый поворот колеса, и я опять смят, затерт. Но – всякому дню довлеет злоба его, и потому отложим попечения до завтра, а сегодня – смело, во всеоружии вперед. Влияние, какое мне в данный момент приписывают на дела министерства, налагает на меня новый долг и, как бы оно мимолетно ни было, из него надо извлечь всю возможную пользу для нашего просвещения и для подвижающихся на благо ему* (Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. 1826–1855).

Смысл, вкладываемый в анализируемое новозаветное высказывание, зависит, прежде всего, от типа дискурса, от ценностных установок автора, и глубина прочтения евангельских слов значительно варьируется. Так, в беллетристике и научно-популярной публицистике они воспринимаются, преимущественно, как простой призыв не беспокоиться о будущем (пример 3), тогда как в философской прозе они нередко становятся основой для сложных ценностных умозаключений о народной ментальности, о сущности времени и цели бытия (пример 4):

(3) *Их жизнь текла весело, шумно и привольно; без тяжелых дум и душевных потрясений, без гнетущей мысли о завтрашнем дне и изнуряющего труда из-за куска насущного хлеба; держались они*

мудрого правила – «довлеет дневи злоба его», и заглядывать вперед не любили (Соловьев-Андреевич Е. А. Дмитрий Писарев. Его жизнь и литературная деятельность. 1893);

(4) *Чем более конкретна нравственная деятельность человека, чем больше она считается с конкретными нуждами живых людей и сосредоточена на сегодняшнем дне, ... тем ближе человек к подчинению своей внешней деятельности духовной задаче своей жизни. Завет не заботиться о завтрашнем дне, ибо «довлеет дневи злоба его», есть не только завет не перегружать себя чрезмерными земными заботами, но вместе с тем требование ограничить себя заботами о реальной жизни, а не о предметах мечтаний и отвлеченной мысли* (Франк С. Л. Смысл жизни. 1925).

Наряду с традиционной церковнославянской формой, среди примеров Корпуса встречается и собственно русский вариант евангельского изречения, вошедший в литературный язык в первой четверти XIX в. с появлением Синодального перевода Нового Завета:

(5) *Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний [сам] будет заботиться о своем: довольно для [каждого] дня своей заботы* (Евангелие от Матфея: синодальный перевод. 1816–1862).

Русский вариант, почти в пять раз уступающий по частотности церковнославянскому, допускает большую свободу синтаксического и словесного оформления, ср.:

(6) *...я был в полном смысле слова поденщиком, который... проводил все время в труде, не спрашивая никогда, что я сегодня буду делать, а только как я успею исполнить все, что нужно, потому что следующий день даст новые заботы* (Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Части 5–7. 1933);

(7) *Новому дню хватает новых забот* (Бакланов Г. Я. Жизнь, подаренная дважды. 1999).

При этом смысловая связь между церковнославянским и русским вариантами евангельских слов продолжает осознаваться, о чем свидетельствуют случаи их одновременного употребления, как, например, в стихотворении Б.Л. Пастернака «Бальзак» (1927 год):

(8) *Париж в златых тельцах, в дельцах <...> // Беспечно мчатся тильбюри.*

// Своя довлеет злоба дневи. // До завтрашной ли им зари? // Разгневанно цветут деревья. <...> // Когда, когда ж, утерши пот // И сушь кофейную отвеяв, // Он оградится от забот // Шестой главою от Матфея?

В пастернаковском стихотворении слова *Своя довлеет злоба дневи* выражают, на первый взгляд иное, не свойственное евангельскому смыслу содержание, – мысль о бездумной сосредоточенности только на настоящем моменте (*До завтрашной ли им зари?*). Однако в контексте двух других аллюзий на Священное Писание – в начальной строфе (*Париж в золотых тельцах*) и в финале стихотворения (*Когда ж <...> Он оградится от забот / Шестой главою от Матфея?*) – они становятся «тематическим ключом» (термин Р. Пиккио [5, с. 36]) к пониманию авторского замысла. Точный контекст употребления анализируемого изречения в Новом Завете – *шестая глава от Матфея* – «восстанавливается» в стихотворении неслучайно. Евангельский «тематический ключ» отсылает к системе аксиологических координат Священного Писания (*Ищите же прежде Царствия Божия и правды его* [Мф. 6: 33]), указывая на истинное предназначение художественного творчества.

Согласно данным НКРЯ, начиная с 1930-х гг. наблюдается значительное снижение регулярности употребления цельного евангельского микротекста как в церковнославянском, так и в русском вариантах, что обусловлено насильственным вытеснением из сознания носителей русского языка памяти о слове и ценностных символах Священного Писания.

**Фразеологизм *злоба дня*
как результат десемантизации
евангельского микротекста**

Для современной культуры характерной является «погруженность человека во время (социальное, индивидуальное, часовое) и отсутствие идеи вечности, которая... выступала основой традиционных культур» [1, с. 16]. Переломным периодом в сознании русской интеллигенции становится середина XIX века. «Это было время большого общественного и соци-

ально-политического возбуждения... время очень решительных сдвигов и глубочайших переслаиваний во всем составе и сложении русского общества, всего русского народа... Но, прежде всего, это был... некий душевный сдвиг. ...Все очнулись, все стали думать и всеми овладело критическое настроение» [9, с. 285]. Это «критическое настроение» проявляется во всеобщем отрицании – в отказе от «устаревших» традиций, в разрушении «обветшавшего» быта, в забвении прошлого; более того – в отрицании и отвержении истории [там же, с. 286]. Нарастает равнодушие к культуре и действительности, размывается само понятие ценности. Усиливающаяся «демократизация» и «вульгаризация», разрушение традиционной аксиологической картины мира в среде городского, а впоследствии и сельского населения приводит к глубокому моральному кризису [2, с. 154]. Психологический и мировоззренческий сдвиг, приведший к отрыву от традиции, выражается, в частности, в десакрализации Священных текстов, в более «свободном» обращении с евангельским словом.

Одним из проявлений этого глубинного психологического процесса становится появление в середине XIX в. десемантизированного устойчивого словосочетания *злоба дня*. Возникшее на основе церковнославянского изречения *Довлеет дневи злоба его*, но лишенное связи с аксиологическим контекстом Евангелия, оно приобретает совершенно иной смысл – то, «что особенно интересно, важно» (ТСРЯ, с. 225).

В Корпусе первые употребления сочетания *злоба дня* вне исходного евангельского микротекста встречаются в цитатах из «критической» беллетристики конца 50 – начала 60-х гг. XIX в., и наиболее последовательно – у М.Е. Салтыкова-Щедрина:

(9) *Еще не умер человек, а глуповцы уж сотнями налетели на него <...> готовы кушаться, топтать и клеветать! Видите ли вы радость злобы дня при этом неслыханно безнравственном зрелище?* (Салтыков-Щедрин. М. Е. Каплуны. 1857–1865);

(10) *...оказывались робкими и несостоятельными, чуть только дело доходило до соприкосновения с действительностью. Злоба дня заставляла их безоружными* (Салтыков-Щедрин М. Е. Тихое пристанище. 1857–1865);

(11) *Не успел еще скрыться поезд за горой, как поезжане, покончив с проводами, уже предаются злобе дня и заводят разговоры о предстоящей «встрече»* (Салтыков-Щедрин М. Е. Помпадуры и помпадурши. 1863–1874).

В приведенных примерах автор каждый раз вкладывает в словосочетание *злоба дня* иной смысл, однако ни в одном из них оно не употреблено в исходном евангельском значении. Так, в примере (9) слова *злоба дня* указывают, очевидно, не на житейские заботы и тяготы, а на пороки высмеиваемого писателем общества. Ближайшее лексическое окружение словосочетания (*налетать, кусаться, топтать, клеветать, безнравственное зрелище*) содействует фокализации основного значения лексемы *злоба*, так что оксюморон *радость злобы дня* легко прочитывается как «злорадство». В примере (10) сочетание *злоба дня* означает вообще окружающую действительность, оцениваемую заведомо отрицательно; в (11) анализируемая конструкция используется автором для иронического обозначения городских толков. Вырванное из евангельского контекста сочетание *злоба дня* ограничивается в содержательном плане только двумя семантическими признаками – ‘отрицательное’ и ‘сейчас’.

В 60-80-е гг. XIX в. выражение *злоба дня* все чаще используется для обобщенного именованного совокупности общественно-политических проблем, вопросов, интересов, характерных для данного момента:

(12) *...качество Белинского как критика было его понимание того, что именно стоит на очереди, что требует немедленного разрешения, в чем сказывается «злоба дня»* (Антонович М. А. Новые материалы для биографии и характеристики Белинского. 1869);

(13) *Только враг своей страны... может отрешиться от этого обострившегося вопроса, который составляет злобу дня* (Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. Письмо первое. 1881).

В приведенных примерах сочетание *злоба дня* не несет явно выраженной отрицательной оценочной коннотации, но передает критическую настроенность говорящего имплицитно, усиливая негативную семантику окру-

жающих лексем (*критик, враг, обострившийся вопрос*).

В 70-80-е гг. XIX в. количество употреблений сочетания *злоба дня* неуклонно растет. Сфера употребления фразеологизма – художественная проза и публицистика. Обличение «*злобы дня*» становится девизом многих «толстых журналов», в редакциях которых вырабатывалось в этот период «культурно-общественное самосознание» [9, с. 289]. К началу 80-х гг. XIX в. сочетание *злоба дня* закрепляется в узусе в трех основных значениях: «насущной потребности» (14), «проблемы» (15) и «новости / темы» (16):

(14) *Злоба дня состоит в борьбе с социализмом* (Чичерин Б. Н. Задачи нового царствования. 1881);

(15) *Волею-неволею он втянулся в жизнь уездного города, в его интересы и злобы дня* (Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы. 1883);

(16) *Да, эта свадьба была злобой дня в Узле, и все о ней говорили как о выдающемся явлении* (Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы. 1883).

Фразеологизация сочетания *злоба дня* сопровождается расширением грамматической парадигмы абстрактного существительного *злоба*: с начала 1870-х гг. среди примеров из Корпуса встречаются формы множественного числа, например:

(17) *Майверс повел их в столовую, где хозяин взял на себя роль главного оратора, с веселой бойкостью рассуждая о злобах дня – о последней сплетне, о книжной новинке, о реформе в армии, о реорганизаций скакового спорта* (Ахматова Е. Кенелм Чиллингги, его приключения и взгляды на жизнь. 1873).

С середины 1880-х гг. количество подобных употреблений растет лавинообразно. К концу первой декады XX в. они составляют примерно половину всех корпусных фиксаций анализируемой устойчивой конструкции. Расширяется и сфера функционирования сочетания – с начала XX в. оно выступает в качестве заголовка газетной рубрики:

(18) *Злоба дня. Обращаю особенное внимание общества покровительства животным на фореиторов конок и на их обращение с лошадьми* (Вести. 1903.05.18 // Московский листок. 1903);

(19) **Злобы дня.** К Ф.И. Шаляпину из Палестины едет депутация с приглашением на гастроли (Злобы дня. 1908.12.10 // Петербургская газета. 1908).

Выступая в качестве прагматически-маркированного синонима таких стилистически нейтральных лексем, как *новость*, *проблема*, *обстоятельство*, сочетание *злоба дня* полностью «перенимает» коллокационные модели, свойственные субстантивам подобного рода. В текстах конца XIX – начала XX вв. фразеологизм активно используется в самых разнообразных адъективных конструкциях. В Корпусе зафиксированы сочетания с качественными прилагательными, отсылающими к различным аспектам внешней и внутренней реальности: «род деятельности» (*политическая, научная, театральная, спортивная, газетная, аграрная злоба дня*); «эмоциональное состояние» (*горячая, жгучая, животрепещущая тревожная злоба дня*); «пространство»: географическое (*столичная, петербургская, деревенская злоба дня; местные злобы дня*) и социальное (*всеобщая, общественная злоба дня; великосветские злобы дня*); «время» (*тогдашние, современные, новые, последние злобы дня; ежедневная, текущая, старая, ближайшая злоба дня*), например:

(20) *Эта новинка являлась, по-видимому, текущей театральной злобой дня* (Базунов С. А. Александр Даргомыжский. 1894);

(21) *Один из таких фокусов, составляющий теперь спортивную злобу дня, это «допинг»* (Допинг. 1903.07.05 // Русский инвалид. 1903);

(22) *Предпраздничная злоба дня. Московские хозяйки жалуются, что цены на живность поднялись перед праздниками до невозможности* (В России. Телеграммы наших корреспондентов. 1910.01.04).

Десемантизация выражения *злоба дня* делала возможным сочетание его не только с местоименными прилагательными (*всякие, все, другие, разные злобы дня*), но и с количественными и порядковыми числительными (*две злобы дня, вторая злоба дня*):

(23) *Второй петербургской злобой дня был переезд высочайшего двора во вновь отстроенный Михайловский замок* (Гейнце Н. Э. Коронованный рыцарь. 1898).

Синтаксические функции анализируемого фразеологизма в предложении разнообразны: он выполняет роль подлежащего, сказуемого, именной части составного сказуемого в конструкциях с полувспомогательными глаголами *быть, становиться, являться, превращаться* в..., *оставаться*, дополнения в предложных оборотах с глаголами типа *говорить, отзываться, беседовать, обсуждать*, обстоятельства в демегафоризированных устойчивых выражениях, ср. типичные корпусные примеры:

(24) *...в городе злобы дня затихли, и единственная новость – ... открытие лужояновской столовой* (Короленко В. Г. В голодный год. 1907);

(25) *Злобой дня* Нью-Йорка сейчас писатель Уптон Синклер (Письмо из Нью-Йорка. 1911.10.10 // Московская газета. 1911);

(26) *Осторожно и тактично он ввел меня в «злобы дня»* данной семейной ситуации (Короленко В. Г. Письма. 1910).

Начиная со второй половины 1920-х среди конструкций со словами *злоба дня* начинают преобладать глагольные и именные сочетания с предлогом *на* (*поговорить, отзываться, писать на злобу дня; заметки на злобу дня*). К концу 1970-х гг. субстантивные конструкции становятся ведущим типом употребления, поэтому в настоящее время можно говорить о существовании у анализируемого словосочетания устойчивого лексико-грамматического контекста – это оборот, в котором предлог *на* следует за существительным (нередко в форме множественного числа), в широком смысле обозначающим текст, ср. примеры Корпуса: *слова, стихи, комментарии, статеечки, лозунги, сатира, тексты, фельетоны, репризы, разговоры, отступление, факты, полемика, мессаджи, интервью на злобу дня*.

(27) *Ещё когда я читал только его репортажи на злобу дня, я почувствовал... что это тот человек, с которым я мог бы общаться* (Садулаев Г. Таблетка. 2008).

В этих и подобных сочетаниях выражение *злоба дня* является своеобразным определением в постпозиции, выступая эмоционально-маркированным синонимом широкозначного прилагательного *актуальный*. Из семантической структуры сочетания *злоба дня* в большинстве случаев исчезают ключевые аксиологические и темпоральные характеристики, восходящие к

евангельскому тексту. К числу немногих исключений относятся примеры, где отчетливо прослеживается генетическая связь с тем контекстом культуры, в котором происходило формирование ценностных смыслов анализируемого устойчивого выражения:

(28) *...поиски царства Божия, что «внутри нас есть», требование святости, практического, каждодневного воплощения всеми древнего идеала благочестия, явленного в деяниях Спаса Христа, апостолов, древних подвижников церкви... безо всякой уступки «злобе дня», мирским и политическим суетам* (Голованов В. Остров. 2002).

Стоящий на верхней ступени иерархии системы координат, контекст культуры «пронизывает нижестоящие действительный и дискурсивный контексты» [3, с. 39]. При сохранении широкого ценностного контекста Священного Предания устойчивая конструкция *злоба дня* даже вне исходного микротекста способна вызывать в сознании первоначальный, евангельский образ – мысль о подчинении должного горнему и временного вечному. В этой связи приведем пример использования темпорального сочетания *злоба дня* в проповеди св. праведного Алексия Мечева (†1923), не вошедшей в Корпус:

(29) *Не все же христианину жить в суете мира, в этом житейском круговороте, в этих мелких стремлениях и целях себялюбия и чувственности, в этой злобе насущного дня. Есть другая высшая область, в которую хоть бы по временам возносился он и отдыхал бы душою своею, это – область сердца, согретого святым чувством любви к Богу, подвигом доброго дела, духом самой чистой молитвы* (Пастырь добрый, с. 44).

Заключение

Корпусный когно-лингвокультурологический подход, предполагающий целостное исследование взаимосвязи языка, сознания и культуры, позволил выявить ментальные механизмы, лежащие в основе процесса фразеологизации библейских микротекстов. Специфика устойчивых выражений, генетически связанных с текстами Священного Писания, предопределяется уникальным характером Библии как словесной формы Откровения,

являющего человеку непреложные законы бытия. В процессе постепенной секуляризации сознания происходит отрыв от многовековой культурной и языковой традиции. Вне первоначального контекста микротексты начинают функционировать самостоятельно и входят в языковой узус в ином, трансформированном, а нередко и десемантизированном виде, утрачивая при этом ключевые аксиологические и темпоральные характеристики, восходящие к евангельскому тексту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексина, Т. А. Многообразие темпорального опыта (этическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.05 / Алексина Татьяна Алексеевна. – М., 1996. – 34 с.
2. Беловинский, Л. В. Культура русской повседневности / Л. В. Беловинский. – М. : Высш. шк., 2008. – 767 с.
3. Заботкина, В. И. Слово и смысл / В. И. Заботкина. – М. : Изд-во РГГУ, 2012. – 431 с.
4. Кузнецова, Ю. Л. Современные корпусные исследования языка: новые подходы / Ю. Л. Кузнецова, Т. В. Велейшикова // Вопросы языкознания. – 2010. – № 6. – С. 108–124.
5. Пиккио, Р. *Slavia Orthodoxa* : Литература и язык / Р. Пиккио. – М. : Знак, 2003. – 720 с.
6. Рахилина, Е. В. 30 лет спустя: новые методы, инструменты и задачи когнитивной лингвистики / Е. В. Рахилина // Материалы круглого стола «Когнитивные методы анализа семантики слова» (РГГУ, 30 окт. 2011 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.cognitive.rggu.ru/article.html?id=>. – Загл. с экрана.
7. Рябцева, Н. К. Аксиологические модели времени / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Язык и время. – М. : Индрик, 1997. – С. 78–95.
8. Святитель Иоанн Златоуст. Год со святителем Иоанном Златоустом / сост. Н. Малахова. – М. : Моск. подворье Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 2013. – 400 с.
9. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Вильнюс : [б. и.], 1991. – 599 с.
10. Teubert, W. My version of corpus linguistics / W. Teubert // International Journal of Corpus Linguistics. – 2005. – Vol. 10 (1). – P. 1–13.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Загл. с экрана.

Пастырь добрый – Пастырь добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева / сост. С. В. Фомин. – М.: Серда-Пресс, 2000. – 767 с.

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1979. – Вып. 6. – 359 с.

ТСРЯ – Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.

REFERENCES

1. Aleksina T.A. *Mnogoobrazie temporalnogo opyta (eticheskoe issledovanie). Avtoref. ... d-ra filos. nauk* [The Diversity of Temporal Experience (Ethical Research). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow, 1996. 34 p.
2. Belovinskiy L.V. *Kultura russkoy povsednevnosti* [The Culture of Russian Everyday Life]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 2008. 767 p.
3. Zabotkina V.I. *Slovo i smysl* [Word and Meaning]. Moscow, RGGU Publ., 2012. 431 p.
4. Kuznetsova Yu.L., Veleysnikova T.V. *Sovremennyye korpusnyye issledovaniya yazyka: novyye podkhody* [Modern Corpus-Based Language Research: New Approaches]. *Voprosy yazykoznanija*, 2010, no. 6, pp. 108-124.
5. Pikkio R. *Slavia Orthodoxa : Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa : Literature and Language]. Moscow, Znak Publ., 2003. 720 p.
6. Rakhilina E.V. 30 let spustya: novyye metody, instrumenty i zadachi kognitivnoy lingvistiki [30 Years Later: New Methods, Tools and Goals of Cognitive Linguistics]. *Materialy kruglogo stola "Kognitivnye metody analiza semantiki slova"* (RGGU, Oct. 30, 2011) [Proceedings of Round Table on "Cognitive Methods

of Word Meaning Analysis" (RGGU, October 30, 2011)]. Available at: <http://cognitive.rgg.ru/article.html?id=> (Accessed November 2, 2011).

7. Ryabtseva N.K. *Aksiologicheskie modeli vremeni [Axiological Models of Time]. Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremena* [Logic Analysis of Language. Language and Time]. Moscow, Indrik Publ., 1997, pp. 78-95.

8. Malakhova N., ed. *Svyatitel Ioann Zlatoust. God so svyatitelem Ioannom Zlatoustom* [Saint John Chrysostom. A Year With Saint John Chrysostom]. Moscow, Saint Trinity-Sergius Lavra Publ., 2013. 400 p.

9. Florovskiy G. *Puti russkogo bogosloviya* [The ways of Russian Theology]. Vilnius, 1991. 599 p.

10. Teubert W. My version of corpus linguistics. *International Journal of Corpus Linguistics*, 2005, vol. 10 (1), pp. 1-13.

SOURCES AND DICTIONARIES

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.

Pastyr dobryy. Zhizn i trudy moskovskogo startsa protoiereya Alekseya Mecheva [Good Pastor. Life and Deeds of Moscow Elder Protopriest Alexey Mechev]. Moscow, Serda-Press Publ., 2000. 767 p.

Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11-17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1979, iss. 6. 359 p.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovary russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, AZ Publ., 1995. 928 p.

LINGUISTIC TEMPORALITY IN THE DIACHRONIC PERSPECTIVE:
CORPUS ASPECT

Konnova Mariya Nikolaevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of Historical Linguistics, Foreign Philology and Document Studies,
Immanuel Kant Baltic Federal University
maria.konnova@rambler.ru
Aleksandra Nevskogo St., 14, 236020 Kaliningrad, Russian Federation

Abstract. In the scope of complex cognitive and linguoculturological approach, aiming at investigating the triple unity of language, mind and culture, the author analyzes cognitive mechanisms of change in the meaning of New Testament saying “*Dovleet dnevi zloba yego*” (Mf. 6: 34) / “*Sufficient for the day is the evil thereof*” (St. Matthew 6: 34). This approach provides deeper insight into the essence of mental schemes underlying the process of lexicalisation of biblical micro-texts both as fixed phrases (quotations) and idioms. The semantic shifts of microdiachronic character, which touched upon the semantic structure of biblical idiomatic expressions in 19-20th centuries and led to substantial restructuring of axiological and temporal components of meaning, are analyzed on the data of Russian National Corpus. The author proves that the use of biblical quotations outside their original context leads to their complete semantic transformation. The loss of original meaning is connected with the loss of key axiological and temporal characteristics typical for New Testament texts.

Key words: corpus, cognitive mechanisms of semantic shifts, linguistic temporality, axiology, New Testament.